

АРНЕ ГАРБОРГ

СМЕРТЬ

Арне Гарборг

Смерть

«Public Domain»

1892

Гарборг А.

Смерть / А. Гарборг — «Public Domain», 1892

«— Гм, — пробормотал дядюшка, и слабая улыбка искривила его уста. Мы сидели на галерее в теплый летний вечер и глядели на море. Я только что рассказал ему о своем брате, который погиб в море год тому назад. Рассказ взволновал меня: я побледнел, и дрожь пробежала по моим членам...»

Арне Гарборг

Смерть

– Гм, – пробормотал дядюшка, и слабая улыбка искривила его уста.

Мы сидели на галерее в теплый летний вечер и глядели на море. Я только что рассказал ему о своем брате, который погиб в море год тому назад. Рассказ взволновал меня: я побледнел, и дрожь пробежала по моим членам.

– Уф, – сказал я, вздрагивая, – это должно быть ужасно... ужасно, должно быть, умирать, дядюшка!

– Гм! гм! – так ты, значит, боишься смерти, да?

Дядюшка имел болезненный вид и сидел на качалке, закутанный в шубу и плед, хотя это было как раз в середине лета. Он был когда-то очень живым и веселым малым и блестящим кавалером в самом широком значении этого слова, но прожил молодость слишком бурно, как рассказывали о нем, – и теперь представлял только тень самого себя. Лицо у него было худое и бледное, с желтоватым оттенком; глаза большие, впавшие и тусклые, грустно глядевшие на вас из-под тяжелых век; на щеках и подбородке росла густая рыжеватая борода, с пробивавшеюся местами сединою в виде серых и беловатых пятен и тонов, что придавало всему лицу какое-то болезненное и страдальческое выражение.

С ним случилось нечто в роде слабого удара, и это совершенно разрушило его когда-то блестящее здоровье, подорвало его силы; всю весну ему пришлось пролежать в постели; затем его на поправку отправили в деревню, и как только для него оказалось возможным двинуться в путь, он немедленно приехал к нам: – здесь все были ему сродни и знакомы, да и вообще ему на всякий случай полезно было жить в доме, где медицинская помощь была близка: – а мой отец был окружным врачом.

Я все свободное время проводил возле него, и вообще очень любил дядюшку. С своей стороны, и он, больной и слабый, находил, по-видимому, удовольствие в моем обществе, и я воображал, что своею болтовнею и своими маленькими рассказами о конюшне и слугах мне удастся разгонять его тоску и помогать ему коротать время. Мне было в это время около тринадцати лет.

Большую часть дня он просиживал неподвижно и молча на кресле, прислушиваясь к словам окружающих; говорить самому ему было не легко; голос у него был слабый, речь неясная; при этом ему приходилось часто с трудом переводить дыхание; он постоянно кряхтел, прочищая горло, но это мало помогало ему. Иногда язык его, как будто, отказывался выражать слова, пришедшие ему на ум: они произносились им так неясно, тяжело и медленно, точно были заморожены. Особенно трудно давалось ему произношение буквы *с*, если. она притом еще соединялась с *и*. Лишь в очень редких случаях он оживлялся и легко преодолевал это препятствие; такого рода случаи доставляли мне всегда громадное удовольствие; они возбуждали во мне надежду, что дядюшка скоро совсем поправится.

– Да, да! молодежь – гм, боится всегда смерти.

– Неужели вы находите, что умирать не страшно? – спросил я с удивлением.

– Нет, – ответил он, и сказал это так уверенно, что я, с присущим мне в то время легкомыслием, спросил его, разве он пробовал когда-нибудь умирать.

– Гм-да! Да, да... могу сказать, что это со мною случалось не раз.

Я совершенно смутился.

– Смерть, – прокряхтел опять дядюшка, – здравствуется иногда с нами – гм! – правду я тебе говорю. Я хорошо ее знаю... и потому-то и не боюсь ее.

– Расскажите, что с вами было, – если только это вам не трудно.

– Гм. Рассказывать-то не много. – Гм... да, моя жизнь много раз... была в опасности; но... дело не в этом. Только тогда, когда смерть проходит так близко, что как будто, гм! здороваются с тобой, – только тогда перестаешь совершенно бояться ее. Гм!

– Расскажите-ка, дядюшка!

– Гм-да. В первый раз, когда это со мною приключилось, мне было всего пять лет. Я лежал на краю реки, – мы жили в деревне, – и бросал камешки в воду; множество... гм! маленьких рыбок плавало у берега... Целые стаи их грелись на солнышке и ловили добычу в теплой воде. Мне доставляло большое удовольствие пугать их и разгонять своими камешками. Гм! Я не помню, как это случилось; но... не прошло и нескольких минут, как и я сам очутился на дне реки. И мне показалось чрезвычайно приятно лежать там... лежать на спине и смотреть вверх на воздух и небо точно сквозь прозрачное... покрывало. Небо там наверху было такое синее, бесконечное, ясное, – чудное было это зрелище!

Я чувствовал, что окружающая меня атмосфера делается все более и более легкою, при этом становилось все более и более светло... и мягко, необыкновенно мягко; я точно лежал и отдыхал на мягком, легком воздухе... Чистый, мягкий воздух и необыкновенно светлый. Мне ничего другого не хотелось, как только лежать и отдыхать таким образом. Необыкновенно широкий горизонт открывался передо мною... наверху я видел голубое небо, которое все светлело и светлело, гм! делалось все более и более блестящим и в то же время как бы стужалось, образуя над водою точно солнечную крышу. А среди этой воды лежал я и отдыхал... плавая и колыхаясь точно на легких крыльях... Необыкновенно было приятно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.